

UDC 93/94

**Political Repression in the USSR (1920–1950s):
Historical and Statistical Research**

Albina S. Zhanbosinova

East Kazakhstan state university of S. Amanzholov, Kazakhstan
070010, Ust Kamenogorsk, Sevastopolskaya St. 4-39
Dr. (History), Professor
E-mail: sovetuk@rambler.ru

Abstract. The author touches upon the issues of political repressions, analyzing them in terms of social and demographic characteristics of political prisoners, singling out age-related, national, educational, social parameters and showing dynamics of arrests in conjunction with social and economic transformations of the Soviet society. The article presents the detailed analytical survey of criminal charges of the notorious 58th article of the Criminal Code of RSFSR investigatory case study. The author cites interesting repressive policy case histories.

Keywords: Eastern Kazakhstan; arrest; charge; political repressions; Great Terror; demography; deportation operation; article 58.

Введение. Эпоха советской истории оставила нам немало наследств, среди которых выделяется фон так называемых «белых пятен», имеющих трагическую окраску. К ней относится проблема репрессий, которой посвящено значительное количество исследований, особое значение имеют труды региональных авторов, позволяющих увидеть специфические черты репрессивной политики характерные для той или иной области. Вместе с тем анализ такого рода исследований позволяет обнаружить новые научные ориентиры и увидеть вопросительные методологические ниши.

Новейший этап развития исторической науки выносит комплекс метафизических проблем, связанных с периодизацией массовых репрессий, с категорийным аппаратом (понятия «большой террор», «политические репрессии», «сталинские репрессии», «репрессивные коммуникации», «репрессивное сознание» и пр.), а также затрагивает вопросы социально-демографической характеристики репрессированных.

Материалы и методы. Документы Архива ДКНБ РК по ВКО (Восточно-Казахстанская область) стали основным источником при написании данной статьи, однако в связи со спецификой их хранения, несмотря на рассекречивание, они не всегда доступны исследователям. Все документы указанного архива, впервые были введены в научный оборот в период защиты диссертации. Следует отметить, что в данное время Архивы ДКНБ РК по ВКО хранят только те следственные дела, которые проходили как контрреволюционные, т.е. по статье 58 УК РСФСР, все остальные были переданы в архивы МВД РК. Архивы Департамента КНБ РК по ВКО содержат подлинную информацию о содержании дел репрессированных, где состав репрессированных можно условно разбить на три группы:

- осужденные по политическим мотивам, т.е. статья 58 Уголовного кодекса РСФСР;
- крестьянский элемент, попавший в «кампанию по очищению советских колхозов»;
- иностранные граждане, когда-то оказавшиеся по воле судьбы в Казахстане, обвиненные в шпионаже и диверсии.

Анкеты арестованных, хранящиеся в делах осужденных, содержат такие сведения, как фамилия, имя отчество, год рождения, место рождения, национальность, образование, место жительства, социальное происхождение, место работы, принадлежность к партии, вероисповедание, сведения о родственных связях, образцы подписей арестованных, содержание обвинения, приговор. К приговоренным к высшей мере наказания прилагался акт в 4-х экземплярах, где отражалась информация, о приговоре, о его исполнении, когда, во сколько, с указанием порой места захоронения. Это один из бесценных документов, который позволяет увидеть механизм реализации приговора и показать статистическую картину смертности репрессированных по ВМН (высшая мера наказания).

Ведомственные документы на данный момент являются одним из главных архивных источников, наиболее полно раскрывающих всю глубину и механизм репрессий. Ведь органы ВЧК-ОГПУ-НКВД «обнаруживали» десятки, сотни контрреволюционных, троцкистских, белогвардейских, офицерских, кулацких, повстанческих, буржуазно-националистических, террористических, шпионских и диверсионных организаций, за которыми стояли чьи-то судьбы. Инкриминируемые преступления шли по одной статье Уголовного кодекса – 58, что означало политическое или государственное преступление. При работе с архивным материалом очень сложно отделить зерна от плевел, т.е. выяснить, а действительно ли это политический репрессированный, может быть это просто преступление, совершенное на социальной основе, или религиозные убеждения подтолкнули человека к совершению противоправного проступка.

Каждому личному делу прилагался спецмеморандум, содержащий информацию по осужденному. Следует обратить внимание на то, что осуждение в концлагерь шло по постановлению Тройки по внесудебному рассмотрению дел при ППОГПУ в Казахстане. В спецмеморандуме указывалось социальное происхождение, характеристика осужденного, описание совершенного им преступления и степень опасности, а также степень заинтересованности органов ОГПУ в дальнейшей проработке. В каком направлении, можно ли использовать на чекистской работе? Какие ограничения в порядке содержания заключенного, по мнению ОГПУ, необходимы.

Архивы Департамента КНБ РК могут показать подлинные директивы, планы и задания на аресты, источники содержат инструктивные документы, приказы и распоряжения, предписывающие проведение конкретных мероприятий. В одной из работ А.И. Пожарова «Роль личности в истории сталинских репрессий» говорилось: «В органах госбезопасности создаются лимиты на аресты... люди ещё живут, а на них спущены смертные лимиты и дел-то ещё никаких нет... Для того чтобы упростить и ускорить репрессии, заготавливают бланки, в которые нужно только дописать анкетные данные арестованных» [1].

Обсуждение: Историография постсоветского пространства, включая казахстанскую, является сравнительно молодым научным направлением с позиции исследователя репрессивной политики. Анализ историографии позволяет отметить, что в изучении проблем тоталитарного режима, произошел значительный качественный скачок. За последнее время появилось множество интересных глубоких научных разработок ученых постсоветского пространства, таких как И. Билас [2], В. Земсков [3], А. Пожаров [4] и др., прямо или косвенно затрагивающих предложенную тему исследования, и вместе с тем существуют вопросы, которые остаются до сих пор неразрешенными.

Результаты. Политический сценарий, характерный для всех постсоветских государств, включающий восстановление исторической правды, написание национальной истории, заполнение белых пятен истории наша историческая наука уже прошла. Следует считать пройденным этап разоблачительных статей с популистской направленностью и излишней эмоциональностью, для них была характерна расплывчатость теоретико-методологических подходов к истории создания и деятельности общего механизма репрессивной политики. Громогласность заявлений и обличительный пафос содержания статей были направлены на низвержение с пьедестала советской идеологии, а не на поиск истины. В рамках процесса реабилитации усилия авторов были направлены на объяснение следствия, а не выявления сути причин репрессивных акций, на обличающие цифры «миллионов» репрессированных, а не на поиск истины.

Аксиома «Историю пишет победитель» отражает конъюнктурность исторической науки, а суверенизация обусловила всеохватывающую коррекцию исторического наследия, с одной стороны мы возвращаем историческую правду, а с другой вычеркиваем имеющуюся событийность. А где критерии «исторической правды», как мы определяем ее и что берем за основу? Нарративные источники могут стать предпосылкой появления тенденциозных публикаций и спровоцировать неразрешимую историческую дискуссию. Назрела острая необходимость прочтения истории новейшим методологическим инструментарием с использованием достоверных архивных материалов.

Историко-демографические публикации касающиеся вопросов численности репрессированных можно разбить на две группы. К первой группе относятся публикации с обличающе-обвинительным содержанием тоталитарного режима, сталинского времени,

практически все они говорят о миллионах жертв террора. Ко второй группе можно отнести исследования, основанные на документах архивных фондов содержащих статистику ГУЛАГа, информационные сводки высших органов власти и органов силовых ведомств, курировавших репрессивные акции и с бухгалтерской точностью записывавших точные даты арестов и количество арестованных.

Один из немногих авторов, пытающихся показать подлинную статистику заключенных ГУЛАГа В.Н. Земсков писал, что, несмотря на наличие публикаций, в которых называется соответствующее истине и документально подтвержденное число заключенных ГУЛАГа, советская и зарубежная общественность в массе своей по-прежнему находится под влиянием надуманных и не соответствующих исторической правде статистических выкладок, содержащихся как в трудах зарубежных авторов, так и в публикациях ряда советских исследователей. [5]

Автором проведен социально-демографический анализ репрессированных по Восточно-Казахстанской области, обвиненных по статье 58 УК РСФСР. Из общего количества изученных дел – 8786, 7490 лиц мужского пола и 1296 женского, что в процентном соотношении составляет 85 и 15 соответственно.

Распределение репрессированных по хронологии арестов с 1920 по 1953 годы наглядно показывает, пики и спад арестов. Наивысший показатель приходится на 1937 год – 27 % от общего числа репрессированных в Восточном Казахстане. 1937 год один из самых динамичных в статистическом плане, все постсоветские республики показывают самые высокие показатели репрессированных, что не удивительно, т.к. именно в это время происходят массовые политические показательные процессы, происходит радикальная чистка советского общества на почве значительного количества изданных законодательных актов для проведения репрессивных акций.

Если взять за основу «Справку спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР в 1921-1953 гг.», датированной 11 декабря 1953 года и подписанной и.о. начальником 1 спецотдела полковником Павловым, где приводятся следующие данные по арестованным в 1937 году 936750 человек, из них осуждено 790665 человек, [6], то в процентном соотношении удельный вес репрессированных в Восточном Казахстане в 1937 году по отношению к указанной цифре будет составлять 0,25% [7].

Вторым по численности арестованных является 1930 год, год усиления протестной волны и недовольства населения против форсированной коллективизации, следствием чего явились массовые крестьянские выступления – 15%. Весна и осень 1930 года запомнились в истории временем активного наступления на кулачество и байство, ужесточением репрессивной политики в отношении крестьян через налогообложение, хлебозаготовительные кампании, лишение избирательных прав, выселение, недовольство крестьян вылилось в массовые восстания.

Третий уровень дает 1938 год – 859 человек – 10 %, продолжение «Большого террора». Если вновь сопоставить с данными «Справку спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР в 1921–1953 гг.», [8], где на указанный год приходится 638509 арестованных и 554258 осужденных, то удельный вес осужденных в Восточном Казахстане составит 0,15 % [9].

На четвертой позиции вновь возвращаемся на 1931 год, где 677 осужденных, что составляет 8 %, отголоски предыдущих восстаний, выявление причастных к ним, поиск новых лиц с целью обвинения в антисоветских деяниях с целью устрашения деревни.

По 4 % репрессированных от общей массы показывают 1932, 1941, 1942 годы. По 3 % 1933, 1935, 1936 годы. По 2 % приходится на 1939, 1940, 1943, 1945, 1946, 1947 годы. По 1 % дают 1929, 1934, 1944, 1948, 1949, 1950, 1951, 1952 годы. Указанные статистические данные показывают лишь общую тенденцию то усиления, то ослабления репрессивной политики.

Из общей численности репрессированных 2673 человека представляют казахскую национальность и 4428 русскую, что составляет 31 и 50 процентов соответственно. Весь репрессированный состав можно распределить по 31 национальности, рисунок 1 отражает те группы национальностей, чья цифра превышает 50 человек.

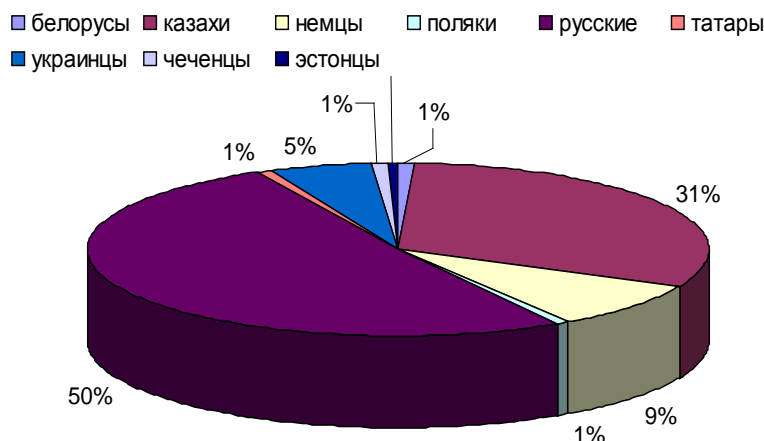

Рис. 1. Распределение репрессированных по национальному признаку Примечание-источник [10]

Репрессии коснулись всех национальностей постсоветского пространства, избирательность репрессивной политики диктовалась изданием специальных секретных директив и инструкций, направленных на уничтожение какой-либо определенной этнической группы – национального контингента, что соответственно отражалось в ее названии польская операция, харбинская, немецкая, иранская и другие.

Из общего количества изученных дел – 9 % репрессированных относились к немецкой национальности, точкой отсчета немецкой операции можно считать приказ НКВД СССР от 25 июля 1937 года за №000439, на ее основе появляется печально известный своими трагическими последствиями приказ 00447. Следует отметить, в рамках проведения национальных операций не существовало определенных лимитов на арест и расстрел, как это происходило в аналогичных приказах касающихся определенных социальных слоев. По этой причине в архивах нет точного статистического учета о приговоренных к различным срокам заключения, общество «Мемориал» опираясь на анализ различных источников, приводит статистику о 247157 человек приговоренных к высшей мере наказания в результате осуществления национальных операций в годы «Большого террора» [11].

Большинство национальностей проживавших на территории Восточного Казахстана составляли коренные жители – казахи, затем русские и украинцы. 5 % репрессированных составляют украинцы, к этой группе можно отнести и белорусов, татар. Остальные этнические группы, в частности поляки, немцы, чеченцы оказались здесь в результате депортационных операций.

На 1 апреля 1941 года в Казахстане, указывалось в книге «Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.) Н.В. Алексеенко и А.Н. Алексеенко – было размещено 5307 «польских осадников, в годы войны в результате переселения поляков из Прибалтийских республик их численность составила более 105000 человек [12]. Вышеназванные группы поляков, чеченцев, включая эстонцев и татар составляют по 1 % от всей численности репрессированных.

Анализ возрастного состава репрессированных показывает, что наибольшую численность дают две возрастные категории – 1890–1899 и 1900–1909 годов рождений по 25 %, следом 18 % категория 1880–1899 годов рождений, 10 % 1910–1919 и 11 % 1870–1879 годов рождений.

■ 1850-1859 гг ■ 1860-1869 гг □ 1870-1879 гг □ 1880-1889 гг ■ 1890-1899 гг ■ 1900-1909 гг ■ 1910-1925 гг □ 1926-1930 гг

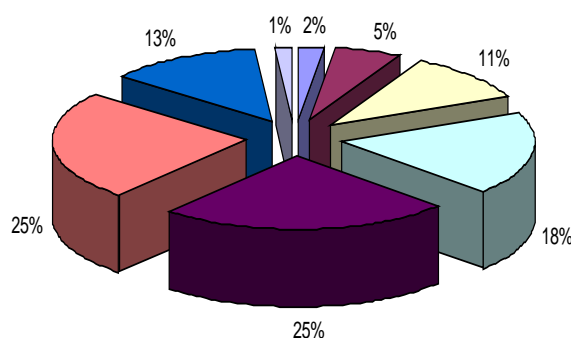

Рис. 2. Возрастной состав репрессированных Примечание-источник [13]

Решение грандиозных экономических задач требовало определенных усилий, что детерминировало применение насилия и подавления недовольства населения, т.е. в действие вводится репрессивный механизм, последнее выполняет регулятивные функции, распределяя рабочую силу и решая насущные задачи. При этом репрессивный механизм может стать самовоспроизводящей системой, что происходит при сращивании руководства партии и силовых ведомств. Ввиду того, что острие репрессий направлялось против общества, то оно должно было стать его активной частью.

По таблице 1 видно, что 25 % это работоспособный возраст от 30 до 50 лет, они оказались более динамичными и соответственно более уязвимыми для тоталитарной системы, страна нуждалась в рабочих руках, государственная машина создавала искусственные маргинальные группы закрытого типа с жестким ограничением и повальным тотальным контролем. Интерес представляют две группы первая и последняя по 2 % и 1 %, т.е. самая старшая возрастная группа и самая молодая, возрастная интервал между ними до 60 лет. Первая группа репрессированных старше 80 лет была осуждена в 1930-е годы, вторая группа до 20 лет подверглась репрессиям с 1942 года.

Таблица 1.

Возрастной состав репрессированных [14]

Даты рождений	Возрастной интервал	%
1850-1859 гг.	Старше 80 лет	2%
1860-1869 гг.	От 70 до 80 лет	5%
1870-1879 гг.	От 60 до 70 лет	11%
1880-1889 гг.	От 50 до 60 лет	18%
1890-1899 гг.	От 40 до 50 лет	25%
1900-1909 гг.	От 30 до 40 лет	25%
1910-1925 гг.	От 20 до 30 лет	13%
1926-1930 гг.	До 20 лет	1%

Вызывает интерес арест 6-ти учащихся средней школы, обвиненных в антисоветской и контрреволюционной пропаганде. Это трое учащихся Бухтарминской средней школы: Зарницкий Петр Николаевич, 1930 года рождения; Зуйко Михаил Федорович, 1929 года рождения [15]; Шлемов Петр Николаевич, 1924 года рождения [16]; один учащийся Катон-Карагайской средней школы Самойленко Федор Никандорович, 1926 года рождения [17]; один Самарской средней школы Скворцов Виктор Николаевич, 1929 года рождения [18]; один Маркокольской средней школы Воронков Данил Александрович, 1925 года рождения [19]. Зарницкий П.Н. и Зуйко М.Ф. арестованы в 1945 году, т.е. им было 15 и 16 лет

соответственно. Скворцов В.Н. арестован в 1943 году в возрасте 14 лет; Самойленко Ф.Н. и Воронков Д.А. в 1942 году в возрасте 16 и 17 лет; Шлемов П.Н. в 1940 году в возрасте 16 лет.

Анализ образовательного уровня репрессированных на рисунке 3 показывает, что в большей степени арестованные были малограмотные, что составляет 49 % от общего числа осужденных. 17 % отнесены к категории грамотных, 6 % к неграмотным, 4 % имеющих среднее образование. К сожалению, информация, указанная в делах обвиняемых может порой быть необъективной. Не всегда следователи, оформлявшие документы обращали внимание на графу образование, в качестве главного определяющего критерия являлась возможность обвиняемого познакомиться с протоколом, хотя это не всегда требовалось, их просто не знакомили с содержанием, требовалась лишь подпись обвиняемого. Умение читать или писать – значит, грамотный, не умеет читать или писать – значит, неграмотный, может что-то одно – значит полуграмотный. Содержательная сторона обвинительной части поражает обилием надуманных, порой невероятных преступлений якобы совершенных или предполагаемых к свершению малограмотных или совсем неграмотных людей, далеких от политики. По отношению к обвиняемым занимавшие руководящие должности подход был другим, в деле обязательно указывалась информация об учебном заведении, где он учился, это требовалось в целях возможной потенциальной разработки его студенческого, а случалось и так, что обвиняемый уже шел в привязке к делу с бывшими однокурсниками, которые уже были арестованы, удельный вес обвиняемых с высшим образованием составлял 3 %.

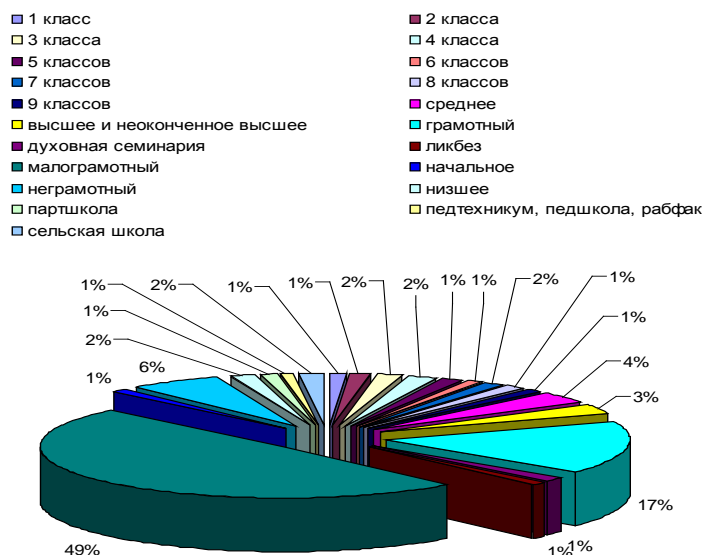

Рис. 3. Образовательный уровень репрессированных
Примечание-источник [20]

Удельный вес оставшихся образовательных категорий среди репрессированных занимает незначительный процент от 1 до 2, культурное строительство, борьба с неграмотностью явились толчком к повышению грамотности населения, появлению различных курсов и пр. Интерес представляет категория, имевшая за плечами духовную семинарию, практически все репрессированное духовенство имело по религиозным меркам высшее образование, в основном это касалось православного культа. Что касается мусульманства их записывали в неграмотные, не принимая в расчет их умение, читать и писать на арабском языке, их учебу в религиозно-духовных заведениях, это касалось отдельных татарских мулл.

Рассматривая социальный состав репрессированных можно увидеть, что 27 % составляют категорию единоличников, 26 % составляют колхозники, 25 % рабочие, служащие 14 %. К сожалению, репрессированную категорию «единоличников» не дифференцировали на отдельные подгруппы, где можно было бы увидеть результаты

проводимых государственных акций, направленных против кулаков, зажиточного крестьянства. Карательный характер раскулачивания ярко проявился в осуждении крестьян по политическим мотивам, т.е. по 58 статье. Возможно, в составе указанной категории были и те, кого можно было отнести к кулакам, если рассуждать с позиции содержания понятия «единоличник» – самостоятельно ведущий хозяйство, то в русле форсированного колхозного строительства их наличие, лишь портило общую статистику. Осень 1930-х годов обусловила новый виток политики сплошной коллективизации, поставив единоличников перед мучительным выбором – за колхоз, значит за советскую власть, против колхоза, значит за кулаков, нейтральной позиции не существовало. Насилие породило протест, что и дало высокий процент в показателях по приводимой статистике не только по категории единоличников, но и по колхозникам, т.е. репрессии не прекратились по отношению не вступившим и вступившим в колхоз. Колхозное крестьянство репрессировали за отсутствие лояльности, за проявленное недовольство политикой власти. Советские колхозники по типу мышления, по ментальности не были готовы к радикальным переменам в сельском хозяйстве, особенно к отчуждению их от средств производства, а это не могло не вызвать волну протеста и желание выйти из колхоза. Категорию «рабочих» составляли вчерашние сельские жители, в большинстве своем неграмотная, неквалифицированная рабочая сила. Тяжелая адаптация к совершенно новым условиям производственного цикла и производственной деятельности, отсутствие элементарных технических знаний и естественное недовольство социальными условиями приводило к обвинению в антисоветской агитации.

В категории «служащих», составлявших 14 % от общего количества репрессированных, условно можно выделить две группы – обычная категория служащих и управленческий персонал. В категорию обычных служащих входили представители образования – учителя, представители здравоохранения – врачи, представители экономико-технических специальностей – инженеры, экономисты, представители сельскохозяйственных специальностей – агрономы, ветеринары. В категорию управленческого персонала служащих вошли руководители предприятий, колхозов, партийных организаций и пр. В частности среди репрессированных управленческого персонала можно выделить секретарей райкомов партии и комсомола некоторых районов; директоров таких организаций как – горно-металлургический техникум, средняя школа, риддерский лесокombинат, леспромхоз, МТС, трест Алтайзолото, Убаредмет, председателей колхозов и сельсоветов, редакторы газет областного и районного уровней; начальников цехов Восточно-Казахстанских предприятий, отделов, инструкторов, главных бухгалтеров и пр. Большая часть репрессированных с указанной категории имела высшее образование, специально-профессиональное или какие-либо специальные профессиональные курсы. Интеллигенция в советское время стала объектом превентивного контроля со стороны силовых ведомств и жертвой нарастающих репрессий. «Спецы», работавшие на стратегически важных промышленных объектах «доставляли» немало хлопот НКВД-НКГБ, т.к. они служили потенциальным источником контрреволюционной деятельности ввиду своего социального происхождения и являлись «бывшими» людьми.

Категория «военнослужащих» и «спецпереселенцев» составляла 2 %, это незначительная доля на фоне общего числа репрессированных, первые стали жертвой своих высказываний, воспринятых как антисоветская пропаганда, а вторые стали жертвой вторичных репрессий на месте нового поселения.

Массовые политические репрессии носили характер цепной реакции, репрессировав одну группу населения власть вынуждена была прибегать к преследованию других. О чем свидетельствуют социально-демографические показатели, полученные в ходе изучения и анализа следственных дел. Отношения власти с народом строились через призму строительства социализма – сначала это была политика «военного коммунизма», затем более смягченный вариант новая экономическая политика, и наступила вежа планов модернизации экономики – индустриализация, коллективизация, культурная революция. Представители властных структур на местах воспринимали политику центра как очередную кампанию, которую нужно выполнить и перевыполнить, и о реализации доложить по инстанциям. Параллельно с решением экономических задач шел поиск классовых врагов, мешавших строительству светлого будущего. Для этого с верхних эшелонов власти в

крайкомы спускались грозные циркуляры, закрытые письма о потере бдительности, о необходимости усиления борьбы и т.д. В «Протоколе заседания бюро Казкрайкома ВКП (б) по обсуждению закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г.» предлагалось всем партийным организациям областного, районного и городского уровня обсудить письмо на заседаниях бюро, ликвидировать «недостатки в работе парторганизаций по части бдительности...» [21].

В процессе изучения архивных материалов ДКНБ РК по ВКО можно выделить 154 пункта обвинений, которые в целях систематизации и более детального анализа были распределены согласно статье 58 УК РСФСР по 14 пунктам, рисунок 4.

Статья 58-1а УК РСФСР подразумевала измену Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу. В следственных делах репрессированных Восточного Казахстана обнаружены обвинения в «измене родине, совершенные военнослужащими», «нахождение в плену», «подготовка к совершению акта измене Родине путем нелегального бегства из пределов СССР в сопредельное государство Китай», что составляет в группе обвинений – 1 %.

Статья 58-2 УК РСФСР содержала обвинение в вооруженном восстании или вторжении в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры. К указанной статье можно отнести следующие пункты обвинений, обнаруженные в делах, «участие в контрреволюционной банде», «участие в банде Толстоухова», «член снегиревской контрреволюционной группы, участник толстоухинского движения», «член контрреволюционной организации, ставившей целью свержение советской власти», «член контрреволюционной организации, ставившей целью свержение советской власти с помощью Японии, распустить колхозы, создать буржуазное государство на территории Казахстана» – удельный вес этой группы обвиняемых составляет – 9 %. Каждый второй в данном блоке обвинялся в причастности к толстоуховскому или снегиревскому движению.

■ 58-1а,б,в ■ 58-2 □ 58-6 □ 58-7 ■ 58-8 ■ 58-9 ■ 58-10 □ 58-11 ■ 58-12 ■ 58-14

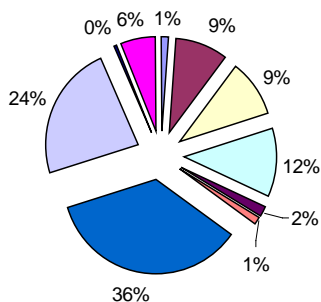

Рис. 4. Распределение репрессированных ВКО по содержанию обвинения
Примечание-источник [22]

Третий блок обвинений идет по статье 58-6 – обвинение в шпионаже, т.е. передаче, похищении или собирании с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной. Эта группа составляет 9 % к общей массе репрессированных, показывая, что в Восточном Казахстане действовали шпионы, работавшие в пользу Америки – 8,9 % к общей группе обвиняемых по данной статье, Англии – 6,01 %, Польши – 8,5 %, Китая – 8,6 %, Японии – 6,7 %, а также Эстонии, Швеции, Франции, Германии, Румынии. Одновременно были шпионы, работавшие на несколько иностранных государств, действовали широко разветвленные шпионско-диверсионные

организации, 42,1 % репрессированных были обвинены как участники указанных организаций.

Например, в Зырянске Восточно-Казахстанской области было арестовано 22 человека, действовавших в хорошо «законспирированной шпионско-диверсионной организации, передававших сведения о стратегически важных объектах Восточного Казахстана» [23].

В Восточном Казахстане работали и «одиночные шпионы», такие как Комуни Шайдур Шайдурович, 1895 года рождения, место рождения г. Надябань, Австро-Венгрия, венгр по национальности, член ВКП (б), грамотный, проживал в п.Чиндогутай Катон-Карагайского района, социальное происхождение из рабочих, место работы – рабочий в поселке, обвинялся в шпионаже в пользу Польши, приговорен к высшей мере наказания 26 августа 1938 года [24]. Другой пример, Шодрон Луиза Александровна, 1878 года рождения, место рождения Париж, грамотная, домработница, проживала в Шемонаихе Восточный Казахстан, обвинялась в шпионаже в пользу Франции, приговорена к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение 29 октября 1938 года [25].

Статья 58-7 УК РСФСР – обвиняла в подрыве государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенно в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, иными словами говоря, обвиняет в вредительстве, осуждено по данной статье – 12 % человек от общей массы изученных дел. Репрессированные обвинялись в следующих деяниях: «антисоветская агитация и вредительство в колхозах», «вредительство и контрреволюционная агитация», «участие в контрреволюционной байской вредительской организации», «участие в контрреволюционной вредительской группе в области животноводства», «участие в троцкистской контрреволюционной вредительской террористической организации, созданной в ДЕПО Шемонаихи», «участие в троцкистской контрреволюционной вредительской организации, созданной в Убинском вольфрамовом рудоуправлении», «участник антисоветской националистической организации, занимался вредительской деятельностью», «участник антисоветской националистической организации, занимался вредительской деятельностью».

Статья 58-8 УК РСФСР подразумевала совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций. По группе обвинений можно указать следующие пункты: «покушался на жизнь общественных работников», «покушение на убийство сотрудника НКВД», «порвал портрет вождя», «участник контрреволюционной террористической организации», «убийство председателя поселкового совета», «член контрреволюционной национал-фашистской, террористическо-диверсионной организации», что составляет 2 % от общего числа изученных дел.

Статья 58-9 УК РСФСР – обвинение в диверсионном акте, репрессированных обвиняли в «умышленном уничтожении своего хозяйства путем распродажи», «в участии в контрреволюционной организации, в составе которой в ночь на 13.01.38 г. совершили поджог Никольской МТС и нанесли большой материальный ущерб». Всего по обвинению в диверсионном акте было арестовано 38 человек, что составляет – 1 %.

Самое большое количество обвиняемых показывает статья 58-10 УК РСФСР – пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений – 36 %. Универсальность статьи показывают следующие пункты обвинения: «агитация против вступления в колхоз», «агитация за возвращение чеченцев на родину», «агитация против колхозного строя и откочевку в Китай», «агитация за эмиграцию в Америку», «антисоветская агитация, антисоветские листовки, дискредитирующие советский строй», «антисоветская агитация с призывом к свержению советской власти», «антисоветская агитация против мероприятий партии и правительства», «антисоветская агитация, восхваление Л. Троцкого, антисоветские анекдоты про Сталина и членов правительства»,

«религиозная пропаганда и антисоветская агитация», «троцкистско-зиновьевская агитация» и пр. По количеству обвинений она самая многочисленная.

Следом по численности идет статья 58-11 УК РСФСР – всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, – 24 %. По указанной статье, арестованные обвинялись в участии или в членстве в какой-либо контрреволюционной антисоветской организации или группе. В этот блок сгруппированы следующие пункты обвинений: «антисоветская националистическая организация», «контрреволюционная повстанческая организация», «принадлежность к религиозной секте, к антисоветской организации», «участие в контрреволюционной повстанческой организации в Усть-Каменогорске, ставившей целью свержение Советской власти», «участник контрреволюционной сектантской организации», «участник контрреволюционной национал-фашистской организации», «член контрреволюционной повстанческой организации в Зыряновске», «член русско-казахской повстанческой организации», «член кулацкой диверсионной группы», «член националистической фашистской группы» и пр. Такая формулировка обвинений характерна для времени «Большого террора», когда шли массовые аресты, когда нужно было показать борьбу с активно действующими подпольными организациями, противниками советской власти, и самое главное подвести доказательную базу под тезис «обострение классовой борьбы», «враг не дремлет» и т.д.

Самой малочисленной является статья 58-12 УК РСФСР – недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении – 42 человека, что в процентном соотношении показывает – 0,05 %. В этот блок включены всего два пункта обвинений: «недонесение о контрреволюционном преступлении откочевке в Китай», «недонесение о контрреволюционном преступлении измена родине», по указанной статье были осуждены родственники репрессированных или счастливо избежавшие репрессий.

И последняя группа обвинений касается статьи 58-14 УК РСФСР – обвинение в контрреволюционном саботаже, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата – 6 %. В этот блок вошли обвинения времен коллективизации, они отражали протест против сельскохозяйственных кампаний: «антисоветская агитация на срыв хлебозаготовок», «антисоветская агитация против хлебозаготовок и укрывательство хлеба», «действия, направленные на срыв хлебозаготовок, скота и мяса», «хищение колхозного имущества, его умышленная порча», в основе последнего пункта обвинения судебные органы использовали не только пресловутую статью 58 УК РСФСР, но и Закон о колосках 1932 года.

Заключение. Сложно судить о точности приводимых статистических данных, обобщенность данных не позволяет разграничить категории содержащихся в лагерях и сидевших в тюрьмах по содержанию обвинения, за учет брались цифры приводимые органами НКВД-НКГБ, без разделения на политический и уголовный элемент. Суммарная оценка численности репрессированных состоит из общего количества жертв умерших от голода, приговоренных к расстрелу, сидевших в лагерях, жертв политики раскулачивания и насильственной коллективизации, депортации и сюда же включают заключенных ГУЛАГа. Следует определить критерии жертв политических репрессий, жертв экономической политики государства, жертв национальной политики государства, а также жертв политики военной и послевоенной фильтрации и жертв войны – захваченные военнопленные. Единственным объединяющим началом всех категорий является репрессивная политика государства, обусловленная экономической необходимостью. Социально-демографические показатели по репрессированным в Восточном Казахстане подтверждают общую направленность и численность репрессий в целом по стране. 31 % репрессированных составляют представители казахской национальности и 50 % русской.

25 % репрессированных относились к возрасту от 30 до 50 лет, который считался относительно молодым и трудоспособным, что и требовалось для лагерной системы страны, в числе репрессированных были лица, не достигшие совершеннолетнего возраста. 49 % репрессированной массы были малограмотны и вряд ли соответствовали содержанию

предъявляемых им обвинений в шпионско-диверсионной, контрреволюционной и антисоветской деятельности. Социальный состав репрессированных показывает, что 27 % составляют категорию единоличников, 26 % – колхозники, 25 % рабочие, это является свидетельством однородности аграрно-социальной общественной структуры Восточного Казахстана, рабочие в своей массе были выходцами из деревень. В тоже время социальный состав выявляет наличие значительной прослойки «бывших», и очень сложно выявить среди указанной категории, лиц реально боровшихся с советской властью, и тех, кто оказался арестован случайно.

Примечания:

1. Пожаров А.Н. Роль личности в истории сталинских репрессий / А. Н. Пожаров. // Исторические чтения на Лубянке. 4 выпуск. 1998–2002. сб.статей / Сост. А.А. Зданович, М.Н. Петров, В.Н. Хаустов. М.: ФСБ. 2003. 600 с.
2. Билас И.Г. Репрессивно-карательная система на Украине 1917-1953: социально-политический и историко-правовой анализ. Киев: «Азимут Украины», 1994. 432 с.
3. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №6. С.10-27.
4. Пожаров А.Н. Роль личности в истории сталинских репрессий / А. Н. Пожаров. // Исторические чтения на Лубянке. 4 выпуск. 1998-2002. сб.статей / Сост. А.А. Зданович, М.Н. Петров, В.Н. Хаустов. М.: ФСБ. 2003. 600 с.
5. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №6. С. 10-27.
6. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960 /Международный фонд «Демократия»; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; Науч. ред. В.Н. Шостаковский. М.:МФД Материк, 2000. 855 с.
7. Подсчитано автором на основании архивных документов ДКНБ РК по ВКО.
8. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917-1960 / Международный фонд «Демократия»; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; Науч. ред. В.Н. Шостаковский. М.: МФД Материк, 2000. 855 с.
9. Подсчитано автором на основании архивных документов ДКНБ РК по ВКО.
10. Подсчитано автором на основании архивных документов ДКНБ РК по ВКО.
11. Репрессии против поляков и польских граждан». Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М.: «Звенья», 1997. 256 с.
12. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск «Полиграфия», 1999. 159 с.
13. Подсчитано автором на основании архивных документов ДКНБ РК по ВКО.
14. Подсчитано автором на основании архивных документов ДКНБ РК по ВКО.
15. Дело № 2163 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
16. Дело № 2094 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
17. Дело №3845 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
18. Дело №3040 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
19. Дело №2063 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
20. Подсчитано автором на основании архивных документов ДКНБ РК по ВКО.
21. ГАВКО. Ф. 129п. Оп. 10. Д. 888. 216 л.
22. Подсчитано автором на основании архивных документов ДКНБ РК по ВКО.
23. Дело №1152 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
24. Дело №3187 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
25. Дело №3431 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.

References:

1. Pozharov A.N. Rol' lichnosti v istorii stalinskih repressij / A.N. Pozharov. // Istoricheskie chtenija na Lubjanke. 4 vypusk. 1998-2002. sb. statej / Sost. A.A. Zdanovich, M.N. Petrov, V.N. Haustov. M.: FSB. 2003. 600 s.
2. Bilas I.G. Repressivno-karatel'naja sistema na Ukraine 1917-1953: social'no-politicheskij i istoriko-pravovoj analiz. Kiev: «Azimut Ukrainy», 1994. 432 s.

3. Zemskov V.N. GULAG (istoriko-sociologicheskij aspekt) // Sociologicheskie issledovanija. 1991. №6. S.10-27.
4. Pozharov A.N. Rol' lichnosti v istorii stalinskih repressij / A.N. Pozharov. // Istoricheskie chtenija na Lubjanke. 4 vypusk. 1998-2002. sb.statej / Sost. A.A. Zdanovich, M.N. Petrov, V.N. Haustov. M.: FSB. 2003. 600 s.
5. Zemskov V.N. GULAG (istoriko-sociologicheskij aspekt) // Sociologicheskie issledovanija. 1991. №6. S. 10-27.
6. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerej) 1917-1960/Mezhdunarodnyj fond «Demokratija»; sost. A.I. Kokurin, N.V. Petrov; Nauch. red. V.N. Shostakovskij. M.: MFD Materik, 2000. 855 s.
7. Podschitano avtorom na osnovanii arhivnyh dokumentov DKNB RK po VKO.
8. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerej) 1917-1960/Mezhdunarodnyj fond «Demokratija»; sost. A.I. Kokurin, N.V. Petrov; Nauch.red. V.N. Shostakovskij. M.: MFD Materik, 2000. 855 s.
9. Podschitano avtorom na osnovanii arhivnyh dokumentov DKNB RK po VKO.
10. Podschitano avtorom na osnovanii arhivnyh dokumentov DKNB RK po VKO.
11. Repressii protiv poljakov i pol'skih grazhdan». Istoricheskie sborniki «Memoriala». Vyp.1. M.: «Zven'ja», 1997. 256 s.
12. Alekseenko N.V., Alekseenko A.N. Naselenie Kazahstana za 100 let (1897-1997 gg). Ust'-Kamenogorsk «Poligrafija», 1999. 159 s.
13. Podschitano avtorom na osnovanii arhivnyh dokumentov DKNB RK po VKO.
14. Podschitano avtorom na osnovanii arhivnyh dokumentov DKNB RK po VKO.
15. Delo № 2163 // Arhiv DKNB RK po VKO. F. 1.
16. Delo № 2094 // Arhiv DKNB RK po VKO. F. 1.
17. Delo №3845 // Arhiv DKNB RK po VKO. F. 1.
18. Delo №3040 // Arhiv DKNB RK po VKO. F. 1.
19. Delo №2063 // Arhiv DKNB RK po VKO. F. 1.
20. Podschitano avtorom na osnovanii arhivnyh dokumentov DKNB RK po VKO.
21. GAVKO. F. 129 p. Op. 10. D. 888. 216 l.
22. Podschitano avtorom na osnovanii arhivnyh dokumentov DKNB RK po VKO.
23. Delo №1152 // Arhiv DKNB RK po VKO. F. 1.
24. Delo №3187 // Arhiv DKNB RK po VKO. F. 1.
25. Delo №3431 // Arhiv DKNB RK po VKO. F. 1.

УДК 93/94

**Политические репрессии в СССР (1920-1950 гг.):
историко-статистическое исследование**

Альбина Советовна Жанбосинова

Восточно-Казахстанский госуниверситет им. С. Аманжолова, Казахстан
070010, Усть-Каменогорск, ул.Севастопольская 4-39
доктор исторических наук, профессор
E-mail: sovetuk@rambler.ru

Аннотация. Автор затрагивает вопросы политических репрессий, анализируя их в ракурсе социально-демографических характеристик репрессированных, выделяя параметры – возрастные, национальные, образовательные, социальные, показывая динамику арестов во взаимосвязи с социально-экономическими преобразованиями советского общества. В статье дается подробный аналитический обзор пунктов обвинения пресловутой 58 статьи УК РСФСР по материалам следственных дел, автор приводит интересные примеры из практики репрессивной политики.

Ключевые слова: Восточный Казахстан; арест; обвинение; политические репрессии; большой террор; демография; депортационная операция; статья 58.